

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА

Утро памяти Коммиссаржевской.

Тускло, слезливо горят поминальные свѣчи въ фойе Новаго Драматическаго театра. Вездѣ покраснѣвшіе глаза, стыдливое всхлипываніе; звучитъ безстрастное и все же хватающее за душу пѣніе...

Къ портретамъ Коммиссаржевской въ фойе присоединилась большая статуя, работы М. Блоха, и бронзовый бюстъ. Бывшее прежде сходство и чертъ, и выраженія милого лица В. О., теперь какъ-будто исчезло; быть можетъ, виной плохое освѣщеніе, или статуя передѣлана авторомъ, но сейчасъ она не трогаетъ, не умиляетъ.

Въ толпѣ, наполнившей залъ, гдѣ еще витаетъ свѣтлая тѣнь Коммиссаржевской, преобладаютъ скорбные черные цвѣта. Тоскливой безнадежностью зазвучала мелодія шопеновскаго «Marche funebre», — и толпа прослушала его стоя, въ благоговѣйномъ молчаніи. Щемило душу и хотѣлось плакать дѣтскими, бессильными слезами.

Быть можетъ, наилучшими поминками было бы сейчасъ-же послѣ этихъ торжественныхъ аккордовъ, не расплескавъ молитвеннаго настроенія въ душѣ, тихо разойтись по домамъ. Но предстояла еще большая поминальная программа.

Красиво построенную рѣчь сказалъ О. Дымовъ; отмѣчу особо его мысль, что служеніе В. О. театру «было похоже на какое-то предопредѣленіе, на исполненіе чьей-то скрытой воли». Мысль и вѣрная, и тонко подмѣченная.

Въ условно-театральной, оставляющей безучастнымъ манеръ прочла В. Мичурина стихотвореніе Т. Щепкиной-Куперникъ, и для чего-то, вслѣдъ за этимъ, еще одно.

Пѣли Макаровъ и Тартаковъ, красиво и строго пѣлъ женскій хоръ (муз. Лядова) къ «Сестрѣ Беатрисѣ», съ которой связаны лучшія, самыя волнующія воспоминанія о В. О., какъ артисткѣ.

Опять появилась, добытая изъ старыхъ сараевъ, превосходная декорация, въ которой «Беатриса» шла при Вѣрѣ Оедоровнѣ.

Довольно большой, расхолаживающій антрактъ — и вотъ мы въ кошмарномъ мирѣ пятаго акта «Жизни Человѣка», поставленнаго на этотъ разъ Л. Андреевымъ.

«Жизнь Человѣка», одна изъ изысканнѣйшихъ постановокъ театра временъ Коммиссаржевской, не напоминаетъ о живой Вѣрѣ Оедоровнѣ, — она въ этой пьесѣ не играла, но напоминаетъ зато о ея жуткой, безвременной кончинѣ.

Ожилъ и получилъ въ день поминокъ особый смыслъ — суровый силуэтъ «Нѣкоего въ сѣромъ», и отвратительный, хихикающій смѣхъ старухъ вокругъ умирающаго Человѣка...

Предстояло прослушать еще кого-то, и еще кого-то, но я вышелъ изъ театра, боясь оскорбительнаго въ такой день чувства холодныхъ будней.

Л. Вас — ий.